

Павел Николаевич Милюков

**Воспоминания (1859-1917)
(Том 2)**

Москва
Книга по Требованию

УДК 82-94
ББК 63.3-8

Павел Николаевич Милюков

Воспоминания (1859-1917) (Том 2) / Павел Николаевич Милюков – М.: Книга по Требованию, 2011. – 238 с.

ISBN 978-5-4241-1339-0

"Если бы политика была шахматной игрой, а люди - деревянными фигурами, он был бы гениальным политиком", - писал о Милюкове его вечный оппонент П.Б.Струве.

Человек холодного, четкого ума, Милюков нередко оказывался в плена логических схем, порой весьма далеких от реальности, что неудивительно - жизнь в России шла идет вразрез с самыми смелыми прогнозами.

"Воспоминания" Милюкова действительно напоминают анализ шахматных партий, сделанный гроссмейстером. И партий интереснейших - Павел Александрович Милюков (1859-1943), известный историк и публицист, один из создателей партии Конституционных демократов, председатель ее ЦК и лидер в Государственной думе, был министром иностранных дел Временного правительства России в 1917 году... Многое в его книге "Воспоминаний" не утратило актуальности и по сей день

ISBN 978-5-4241-1339-0

© Издание на русском языке, оформление, «YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «Книга по Требованию», 2011

Милюков Павел Николаевич
Воспоминания (1859-1917)
(Том 2)

П. Н. МИЛЮКОВ

ВОСПОМИНАНИЯ

(1859-1917)

ТОМ ВТОРОЙ

ОГЛАВЛЕНИЕ II ТОМА:

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ

Государственная деятельность (1907-1917)

1. Физиономия Третьей Государственной Думы 7

2. Кадеты в Третьей Думе 14

3. Три заграницные поездки 22

4. "Неославизм" и пацифизм 45

5. Моя деятельность в Третьей Думе 48

6. Разложение думского большинства 79

7. Der Mohr kann gehen (нем. "Мавр сделал свое дело..."- ldn-knigi)
(Убийство Столыпина) 95

8. "Национальная" политика Сазонова и Балканы 105

9. Мои последние поездки на Балканы 117

10. Потеря русского влияния на Балканах 142

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ

Четвертая Дума

1. Положение историка-мемуариста 153

2. От Третьей Думы к Четвертой 155

3. Война 169

4. Как принята была война в России 183

5. "Священное единение" 189

6. Прогрессивный блок 206

7. Наступление и борьба с "блоком" 218

8. Думская делегация у союзников 232

9. "Диктатура" Штюремера 257

10. Перед развязкой 272

11. Самоликвидация старой власти 282

12. Создание новой власти 290

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ

Временное правительство

(2 марта 1917 г. - 25 октября 1917 г.)

1. Вступительные замечания 320

2. Состав и первоначальная деятельность

Временного правительства 325

3. Мои победы - и мое поражение 336

4. От единства власти к коалиции 371

5. Съезд Советов и социалистическое правительство 384

Приложение 1-е 395

Приложение 2-е 396

Приложение 3-е 397

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

(1907-1917)

1. ФИЗИОНОМИЯ ТРЕТЬЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

Первая русская революция закончилась государственным переворотом 3 июня 1907 года: изданием нового избирательного "закона", который мы, кадеты, не хотели называть "законом", а называли "положением". Но провести логически это различие не было, однако, возможности: здесь не было грани. Если гранью считать манифест 17 октября, то "положением", а не "законом", были уже, в сущности, "основные законы", изданные перед самым созывом Первой Думы: это уже был первый "государственный переворот". Тогда и теперь победили силы старого порядка: неограниченная монархия и поместное дворянство. Тогда и теперь их победа была неполная, и борьба между старым, отживавшим правом и зародышами нового продолжалась и теперь, только к одной узде над народным представительством прибавлялась другая: классовой избирательный закон. Но и это было, опять, только перемирие, а не мир. Настоящие победители шли гораздо дальше: они стремились к полной реставрации.

Если борьбе суждено было продолжаться в том же направлении в порядке нисходящей кривой, то на этом новом этапе она должна была происходить между самими победителями. Равновесие между ними, достигнутое {8} "положением" 3 июня, должно было оказаться временным. Так оно и случилось. Уже роль самого Столыпина в разгоне Второй Думы и в спешном проведении дворянского избирательного закона была диссонансом в победе правых. Для него переход от министерских комбинаций с "мирнообновленцами" к "союзу русского народа", покровительствуемому Двором, был уже слишком резок. В попытках создания собственной партии он унаследовал от гр. Витте союз с "октябристами", самое название которых уже было политической программой. И условием созыва Третьей Думы, естественно, явилось проведение этих его союзников в Думу в качестве ее руководителей и членов правительенного большинства. Но октябристы были группой, искусственно созданной при участии правительства. Даже по "положению" 3 июня они не могли быть избраны в достаточном количестве без обязательной поддержки более правых групп, тоже искусственно созданных на роли "монархических" партий (см. выше).

По положению 3 июня выборы оставались многостепенными, но количество выборщиков, посыпавших депутатов в Государственную Думу на последней ступени, в губернских съездах было так распределено между различными социальными группами, чтобы дать перевес поместному дворянству (Каждые 230 земельных собственников посыпали в это собрание одного выборщика, тогда как торгово-промышленный класс был представлен одним выборщиком на 1.000, средняя буржуазия - одним на 15.000, крестьяне - одним на 60.000 и рабочие - одним на 125.000 (Прим. автора).).

Так, с прибавкой из городов, были проведены в Думу 154 октябриста (из 442). Чтобы составить свое большинство, правительство своим непосредственным влиянием выделило из правых группу в 70 человек "умеренно-правых". Составилось неустойчивое большинство в 224. К ним пришлось присоединить менее связанных "националистов" (26) и уже совсем необузданных черносотенцев (50). Так создана была группа в 300 членов, готовых подчиняться велениям правительства и оправдывавших двойную кличку Третьей Думы: "барская" и "лакейская" Дума. Как видим, большинство это было искусственно создано и {9} далеко не однородно. Если Гучков мог сказать, в первых же заседаниях Думы, что

"тот государственный переворот, который совершен был нашим монархом, является установлением конституционного строя", то его обязательный союзник Балашов, лидер "умеренно-правых", тут же возразил: "Мы конституции не признаем и не подразумеваем под словами: "обновленный государственный строй". А другой лидер той же группы, гр. Вл. Бобринский получавший жалованье от правительства, заявил - более откровенно, - что "актом 3 июня самодержавный государь явил свое самодержавие". Другие платные депутаты на ролях скандалистов, Пуришкевич, П. Н. Крупенский, Марков 2-й, могли вести борьбу за полную реставрацию, опираясь на придворные круги и не считая себя ничем связанными. Сам Столыпин в интервью для правительенного официоза "Волга" заявил, что установленный строй есть "чисто-русское государственное устройство, отвечающее историческим преданиям и национальному духу", и что Думе ничего не удалось "урвать из царской власти". Общим лозунгом, приемлемым для всей этой части Думы, оставался лозунг Гучкова: лозунг "национализма" и "патриотизма".

Не было, однако, в этой Думе единства и в рядах побежденных, - хотя бы в той степени, в какой, с грехом пополам, оно все же сохранялось в двух первых Думах. Там мы могли считать, что в борьбе с самодержавием была побеждена вся "прогрессивная" Россия. Но теперь мы знали, что побежденных был не один, а двое. Если мы боролись против самодержавного права за конституционное право, то мы не могли не сознавать, что против нас стоял в этой борьбе еще один противник - революционное право. И мы не могли, по убеждению и по совести, не считать, что самое слово "право" принадлежит нам одним. "Право" и "закон" теперь оставались нашей специальной целью борьбы, несмотря ни на что. "Революция" сошла со сцены, но - навсегда ли? Ее представители стояли тут же, рядом. Могли ли мы считать их своими союзниками? Нашиими союзниками, хотя бы и времennymi, они себя не считали. Их цели, их тактика были и оставались другие. После тяжелых уроков {10} первых двух Дум с этим нельзя было не сообразоваться. Я говорил, что уже во Второй Думе конституционно-демократическая партия совершенно эмансионировалась от тех отношений "дружбы-вражды", которыми она считала себя связанной в Первой Думе. В Третьей Думе разъединение пошло еще дальше.

По самой идее Третьей Думы, в ней не должна была предполагаться наличие оппозиции. И на выборах правительство все сделало, чтобы ее не было. Избирательные коллегии тасовались так, чтобы надежные выборщики майоризировали ненадежных. Нежелательные элементы и не "легализированные" партии преследовались местными властями, не допускались к участию в выборах и т.д.

И, однако же, оппозиция проникла в Думу через ряд щелей и скважин, оставленных - как бы в предположении, что для полноты представительного органа какая-то оппозиция все же должна в нем присутствовать. Прежде всего, имелась на лицо целая партия, легализированная Столыпиным, но не связанная с правительством договором, вроде Гучковского: партия, называвшая себя теперь "прогрессистами". Зерно ее составляли те "мирнообновленцы", из которых Столыпин выбирал когда-то кандидатов в министры. Они были конституционалистами неподдельными, и от времени до времени, уже в Думе поднимали вопрос об организации "конституционного центра". Но октябристам с ними было не по

дороге, и скоро их потянуло в обратную сторону. К ним, напротив, стали присоединяться отдельные более последовательные политически октябрьсты, недовольные своими, но не желавшие все же леветь до кадетов. И фракция прогрессистов, единственная, уже в Думе возросла с 23 до 40 членов, оставаясь тем более рыхлой, неопределенной и недисциплинированной. Ход событий постепенно сблизил ее с кадетами; но это лишь развивало в ней стремление сохранить свою независимость и самостоятельность. В результате, от времени до времени, от них, как я уже замечал раньше, можно было ждать политических сюрпризов - вплоть до желания "перескочить" через к.д. влево.

Роль настоящей оппозиции, идеально-устойчивой и {11} хорошо организованной, при таком положении сохранилась за партией Народной свободы. Самый способ выборов делал фракцию партии естественным рупором общественного мнения. В пяти главных городах России (Москве, Петербурге, Киеве, Одессе, Риге) не только сохранились прямые выборы, но положение 3 июня даже расширило избирательное право на квартиронанимателей. Правда, и тут избиратели были распределены неравномерно между двумя куриями: в первую были включены очень немногочисленные крупные плательщики налога (Владельцы более крупных недвижимых имуществ и торгово-промышленных предприятий. (Примеч. ред.)), тогда как во вторую входила остальная масса, владевшая сравнительно умеренным квартирным цензом.

По такому цензу прошел, наконец, и я в Думу. Не только не делалось на этот раз препятствий моему выбору, но, по слухам, до меня дошедшим, Крыжановский решил, что лучше иметь меня внутри Думы, нежели вне ее (то есть в качестве тайного инспиратора, каким меня считали раньше). Такой характер выборов по второй курии делал возможным вести публичную избирательную кампанию и защищать партийную программу в открытом споре с политическими противниками. Успех был настолько очевиден, что и первая курия принуждена была последовать нашему примеру - с тем результатом, что местами, вместо октябрьстов и правых, там тоже стали проходить наши кандидаты.

Политическая деятельность фракции вне Думы не ограничилась предвыборными собраниями; она, в свою очередь, оживила деятельность партии. Петербург и Москва были и ранее разделены на районы, по которым организовались районные комитеты зарегистрированных членов партии. Думская работа фракции дала им живой материал для организации периодических публичных выступлений с участием "неприкосновенных" членов фракции. Особое оживление придавал нашим собраниям свободный доступ, открытый нами для представителей других политических течений, и состязательный Характер прений.

Правые, к нашему удовольствию, нас игнорировали и не вносили к нам своей черносотенной {12} пропаганды, понимая, что наша публика не отнеслась бы терпимо к их присутствию. Не приходили к нам и официальные представители левых, не желая, очевидно, уронить свое достоинство. Зато рядовых левых ораторов, готовых сразиться с нами, было сколько угодно; ими обыкновенно заполнялся список выступавших у нас ораторов. Нельзя сказать, чтобы с ними было трудно сражаться. Мы были сильны, прежде всего, знанием дела и серьезностью трактовки; они, обычно, не шли дальше знакомства с брошюрной литературой, вносили много страсти в прения, но нашей публики не убеждали и выносили, в своей обработке, только то, что им нужно было для пропаганды. Для

примера, приведу два эпизода со мной лично, ставшие ходячими аргументами против к.д. Я как-то сказал, взяв сравнение из боя быков, что не следует в борьбе дразнить красной тряпкой. В левом толковании это значило, что я оскорбил знамя социализма.

В другой раз, мой пример, взятый из известной басни Лафонтена, оказался еще более рискованным. Я сказал, что нельзя, следуя чужим советам, носить на себе осла. К "ослу" прибавили эпитет "левого", и вышло очень пикантно: я, значит, назвал социалистов "левыми ослами". Отсюда, конечно, следовал вывод о моем социалистоедстве. О других эпизодах скажу позже. Такого рода "прения" вести было нетрудно: они даже приносили пользу, развлекая публику. В одном только районе Петербурга, в рабочем Выборгском квартале, мы встречали сильное психологическое сопротивление аудитории. Там выступал против нас студент, "товарищ Абрам" - впоследствии советский "главнокомандующий" Крыленко, покончивший с Духониным, - он же и прокурор, предшественник Вышинского. С легким баражом выученных назубок грошовых брошюр, с хорошо подвешенным языком, он с невероятнымaplombом разбивал наши аргументы. Рабочая публика гоготала, и нашим ораторам говорить было трудно. Но вообще городская демократия "торговых служащих" была на нашей стороне, и мы и из таких боев как-то выходили целы.

Наряду с публичными выступлениями, фракция энергично действовала и через печать. После каждой {13} годичной сессии Думы фракция издавала очередной отчет о своей деятельности. Мне в этих отчетах обычно принадлежали отделы о тактике фракции в связи с общим политическим положением, о вопросах конституции и государственного права, о внутренней и внешней политике, о национальных вопросах. Это были те главные темы, на которые мне приходилось выступать и в Думе. Вторая половина каждого отчета заключала в себе наиболее важные речи членов фракции, произнесенные в Думе. Я очень жалею, что этих отчетов нет у меня перед глазами, чтобы развернуть полнее эту часть моих воспоминаний.

Я не останавливалась здесь на роли нашей газеты "Речь", которую мы не объявляли формально партийным органом, но распространение которой повсюду в России, конечно, сделало больше для популяризации наших взглядов, чем все остальные способы публичной деятельности фракции.

Наши два репортера, излагавшие стенографические отчеты думских заседаний и передававшие впечатления о повседневной думской жизни, Л. М. Неманов и С. Л. Поляков-Литовцев, приобрели себе на этой работе всероссийское имя, и наше истолкование смысла думской работы в передовицах "Речи" и московской "профессорской" газете "Русские ведомости" сплотило около нас значительную часть читающей России.

Но пора вернуться к другим частям "оппозиции" в Третьей Государственной Думе. Национальные группы - польская, польско-литовская, белорусская, мусульманская - заняли своеобразное положение между оппозицией и правительственным большинством. Я уже говорил о своем осторожном отношении к национальному вопросу в Первой Думе. Но там национальности, в ожидании общего освобождения, еще связывали свое дело с общерусским - и разместились между русскими политическими фракциями.

Уже во Второй Думе, разочаровавшись в исходе русской политической

борьбы, они несколько отодвинулись от общерусского дела, все же оставаясь демократически-настроенными. Они поплатились за эти настроения потерей большей части {14} своих мандатов. Положение 3 июня уменьшило число польских депутатских мест с 37 до 19, число депутатов от азиатских народностей с 44 до 15, кавказских - с 29 до 10. На это ограниченное количество мест пришли депутаты, более консервативно настроенные - и обособились в отдельные группы от русских. Голосуя часто с оппозицией, они, в особенности поляки, не хотели однако разрывать с правительством. Резкое исключение составляли кавказцы - именно грузинские депутаты, заполнившие крайне-левые скамьи социал-демократической фракции. Не разделяя ни клерикально-феодальных, ни буржуазных тенденций других народностей, они считали себя частью общерусской социал-демократии, вместе с ней участвовали во Втором Интернационале и, именно благодаря своим интернациональным стремлениям, могли вести совместную с русскими с. - д. борьбу за создание общего "социалистического отечества". Дробление больших государственных единиц на мелкие национальные государства всегда вызывало противодействие социал-демократии. Все это объясняет, почему Гегечкори, Чхеидзе и др. оказались чуть не единственными представителями русской с. - д. фракции, вообще немногочисленной (14 депутатов). Это же объясняет и их полную обособленность от русских фракций думской оппозиции, и их, неучастие в общей думской работе. Между ними и фракцией к. д. поместилась столь же немногочисленная группа "трудовиков" (14), по традиции считавшаяся социал-революционерами. Но в Третьей Думе она была самая бесцветная и состояла почти исключительно из крестьян с низшим или домашним образованием. Она ждала своего вождя, - и это вакантное место позднее занял А. Ф. Керенский, поведший такую линию поведения, какую хотел.

Такова была обстановка, в которой кадетской фракции предстояло действовать в Третьей Думе.

2. КАДЕТЫ В ТРЕТЬЕЙ ДУМЕ

Что для кадетской фракции есть место и в "господской" и "лакайской" Думе третьего июня, в этом, {15} конечно, не могло быть для меня никакого сомнения. Я был в этом отношении наименее непримиримым из наших "лидеров". Советовал же я идти на выборы даже в Булыгинскую Думу - и боролся против бойкота Первой Думы. Я всегда верил, что самая идея народного представительства, хотя бы искаженного, носит в себе зародыши дальнейшего внутреннего развития. И мне было яснее многих, что общественный подъем 1905 года носил временный характер. Что, собственно, изменилось с тех пор?

Движение пошло на убыль, и вместе с ним линия борьбы отодвинулась далеко назад. Но ведь наши прежние успехи были только кажущимися и лишь на короткий срок замаскировывали действительное положение дела. Спала волна, и Государственная Дума оказалась той же калекой, какой делали ее с самого начала основные законы, урезавшие со всех сторон права народного представительства, и существование Государственного Совета, который мы сами называли "пробкой" и "кладбищем" думского законодательства.

Теперь борьба вернулась к этой самой неприосновенной китайской стене, и по необходимости приобретала иные, более скрытые формы. Мы принесли с собой и в Третью Думу ковчег нашего нового завета, - программу адреса Первой Думы. Но обращаться с ним приходилось более осторожно. Только в Четвертой

Думе мы вынули оттуда, и то лишь в демонстративном порядке, наши законопроекты гражданских свобод, и только тогда, при изменившихся условиях, можно было вновь заговорить об ответственности исполнительной власти перед законодательной и об изменении избирательного закона. В ожидании, нам приходилось вести в Третьей Думе черную, будничную работу, наблюдая лишь, чтобы, по крайней мере, не приходили в забвение уже приобретенные Думой права и чтобы не был забыт вложенный в них политический смысл.

И, в этом отношении, даже и описанный только что состав "господской" Думы открывал некоторые перспективы. Самая неустойчивость к пестроте правительственного большинства обещала внутренние передвижки; перемирие и там было только временное, и ни одна из искусственно склеенных сторон {16} не могла считать свою конечную цель достигнутой. Но низкий уровень, на котором состоялось это временное перемирие с властью, обещал больше прочности и длительности, чем та высота, на которую мы хотели взвинтить политические достижения Первой Думы. Вместе с Третьей Думой мы, во всяком случае, выигрывали время для того закрепления самого факта существования народного представительства, на котором я всегда настаивал: мы могли обещать себе не месяцы, а годы новой отсрочки. В ожидании внутридумская деятельность становилась, тем "будничным" явлением, о котором я писал, как о первом условии признания представительного органа неотъемлемой чертой русской действительности.

Однако, резко изменившиеся условия должны были сопровождаться - уже в третий раз - коренным изменением как состава, так и тактики думской фракции партии Народной свободы. Казалось давно прошедшим то время, когда мы потеряли 120 "выборжцев", лишенных избирательных прав. Жест, который в других условиях был бы историческим, уже на нашем съезде в Териоках звучал диссонансом. На процессе, который кончился тюремным сидением, наши старшие друзья не защищались, а обвиняли; но правительство намеренно избегало принципиальной постановки вопроса; и обвинение, и приговор были сравнительно легкие. События быстро стерли память о принесенной жертве, и во Вторую Думу прошли уже кадеты другого типа: специалисты-профессора, составившие образцовые проекты конституционного законодательства, которым не суждено было осуществиться. Отошла и эта группа. В Третьей Думе сидели кадеты, распределившие между собою деловую работу в думских комиссиях.

Мы всегда считали комиссионную работу главной задачей государственной деятельности; но впервые мы получили для нее необходимый досуг и практический материал. Впервые выдвинулся на первое место А. И. Шингарев, бывший уездный врач и земец, и быстро овладел вопросами государственного бюджета, сделавшись постоянным оппонентом министра финансов В. Н. Коковцова (см. воспоминания Коковцова на нашей странице - ldn-knigi).

В. А. Степанов специализировался на рабочем законодательстве {17} и внес свой вклад в комиссионную обработку законопроектов по коренным вопросам этого законодательства, хотя и застрявши в Третьей Думе. Н. В. Некрасов, другой молодой депутат с крупным, хотя и неожиданным для фракции будущим, сосредоточился на железнодорожных вопросах. Н. Н. Кутлер, перешедший во фракцию с министерской скамьи, консультировал фракцию по вопросам финансовым. Важнейший из социальных вопросов, усвоенный Столыпиным в

дворянской окраске и уже проведенный первоначально во время междудумья в порядке внедумского законодательства по статье 87, встретил серьезное сопротивление со стороны того же А. И. Шингарева и пишущего эти строки.

На мою долю выпали, в качестве председателя фракции, выступления не только по важнейшим вопросам конституционно-политического характера, но и вообще по всем вопросам, для которых не находилось подготовленных работников. Помню, мне даже пришлось произнести первую речь по бюджету, так как Кутлер от нее отказался, - быть может, в виду своих свежих еще министерских связей, - а Шингарев еще не успел ориентироваться в этой области. Я участвовал в комиссионных работах и выступал на общих собраниях по церковным, старообрядческим и сектантским вопросам, по проектам народного образования и авторского права, по вопросам внутренней политики и по национальным вопросам; но главной моей специальностью сделались вопросы иностранной политики, в которых у меня не было конкурента при тогдашнем общем неведении в этой области. Правда, у меня были сильные помощники, в особенности в лице Ф. И. Родичева и В. А. Маклакова. Ф. И. Родичев обладал совершенно исключительным даром красноречия; но его горячий темперамент часто выводил его за пределы, требовавшиеся фракционной дисциплиной и политическими условиями момента. В национальных вопросах он был убежденным поленофилом, что не всегда оправдывалось политикой самих поляков в русских государственных учреждениях. Он также не вполне разделял взгляды фракции по аграрному вопросу. В. А. Маклаков был {18} несравненным и незаменимым оратором по тонкости и гибкости юридической аргументации; но он выбирал сам выступления, наиболее для себя казовые, и, с своей стороны, фракция не всегда могла поручать ему выступления по важнейшим политическим вопросам, в которых, как мы, знали, он не всегда разделял мнения к. д.

Что касается нашей тактики в Третьей Думе, она уже ясна из сказанного. Мы решили всеми силами и знаниями вложиться в текущую государственную деятельность народного представительства. Нам предстояло еще многому научиться, что можно узнать, понять и оценить, только стоя у вертящегося колеса сложной и громоздкой государственной машины. Нельзя было пренебрегать при этом и контактом с бюрократией министерских служащих, у которых имелись свои технические знания, опытность и рутину. Лучшие из них сами страдали от этой рутины, знакомились с нами в комиссиях. Когда они поняли наши добрые намерения, они сами пришли к нам на помощь в борьбе с этой рутиной, - конечно, помимо своего непосредственного начальства. Так, очень широко воспользовался этой помощью Шингарев при своем изучении дефектов русского бюджета и контроля. То же было в области народного просвещения, церковной, а потом и военно-морской и иностранной политики.

Но в первые сессии Думы до этого своеобразного срастания было еще далеко. Мы сделались, в первую голову, предметом яростной политической атаки со стороны правительенного большинства - и в особенности со стороны правых. Дискредитирование оппозиции - и именно наиболее ответственной ее части - должно было служить задачей и оправданием их собственной победы.

Напомню заявление Пуришкевича, что кадеты - элемент самый опасный и нежелательный, - именно потому, что они - самые вероятные участники государственной власти, осторожные, умные и политически образованные. Естественно,